

Майк Гелприн

**Щиты миров.
По ту сторону
Всего**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том 3

T8 RUGRAM

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Гелприн, М.

Г31 Щиты миров. По ту сторону всего / М. Гелприн. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 396 с. — (Мозаика Миров).

ISBN 978-5-521-90504-1

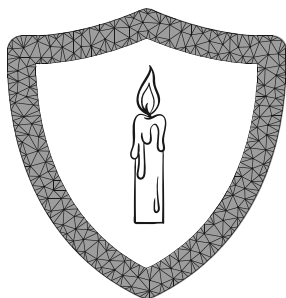
В первую половину этого сборника вошли самые острые, дерзкие, порой спорные и неоднозначные рассказы Майка Гелприна.

Во вторую — самые забавные и смешные.

В сборнике вас ждут верность и предательство, отчаяние и надежда, подвиг и покаяние.

BIC FLC
BISAC FIC009040

По ту сторону добра

За что мне всё это

Аля заходит в вагон на «Академической». Как всегда. Пассажиры шарахаются в стороны. Тоже как всегда. Пассажиров немного: я отказался вести утренние пары, поэтому не езжу в метро в час пик. Это из-за Али, из-за её спонтанных, непредсказуемых появлений.

Аля двигается по проходу. Медленно, скособочившись и подволакивая левую ногу. Скамьи по обе стороны прохода основательно пустеют.

— Какая тётя страшная, — заморожённо глядя на Алю, шепчет белобрысая девчонка лет шести.

Мать хватает её за руку, сдёргивает с сиденья и тащит прочь.

— Не смотри, солнышко, — доносится до меня. — Тёте негде жить, не надо на неё смотреть.

— Стра-а-ашная.

Аля и вправду страшна. Она закутана в чёрную, в прорехах, дерюгу, подпоясанную верёвкой. На правой ноге распухший, в ржавых подпалинах валенок. Левая замотана в задубевшую марлю, грязно-серую, с бурыми разводами. На голове у Али чёрный, узлом завязанный под подбородком платок, поверх него — облезлая заячья ушанка с оторванным левым наушником.

Боже, в кого она превратилась, тоскливо думаю я. Некогда самая красивая студентка второго курса герценовского филфака. А ныне...

– Совсем совесть потеряли, – бубнит дородная старуха, с отворачиванием глядя на Алю и пятась от неё прочь. – Откуда только такие берутся! Жила бы у себя на свалке или где там, так нет – припёрлась, где люди ездят, уродка.

Левая щека у Али вздувшаяся и багровая, она контрастирует с морщинистой, впалой правой. Из-под платка выбиваются сивые, сальные космы. Под носом длинная запёкшаяся сопля. Отворачивания не вызывает только, пожалуй, взгляд. Глаза поблёкли, выпцвели, левый заплыл кровью там, где лопнул сосуд, а взгляд остался прежним: искристым, лукавым и озорным. Кажется, будто Алин взгляд задержался на безобразном лице по недоразумению, словно его забыли стереть.

– Здравствуй, Стас, – Аля, схватившись за поручень, нависает надо мной. – Соскучился? Рад?

Вокруг меня пусто: пассажиров сдуло в торцы вагона исходящим от Али зловонием. Смердит от неё невыносимо – гнилью, тухлятиной, испражнениями, всем вместе. Я мог бы, конечно, привыкнуть, но привыкнуть не получается – рвотные спазмы упрямо подкатывают к горлу, и давлю я их с немалым трудом.

– Я спросила, рад ли ты меня видеть.

– Рад, – выдавливаю я. – Спасибо, что пришла.

Множество раз я умолял её оставить меня в покое. Упрашивал, убеждал, горячечно орал, истерил. Грозил ей. Потом понял, что мольбы и угрозы Алю лишь распаляют, и стал вести себя с нею сдержаннее.

– Хорошо выглядишь, Стас, – Аля усаживается рядом со мной, скрюченной пятернёй в дранной рукавице вцепляется мне в колено. – Как твоя стерва?

В ответ я бурчу что-то неразборчивое, изо всех сил стараюсь не дышать, не смотреть, не обращать внимания. Стервой Аля называет Марину, мою жену. Ещё сукой и мразью. Я терплю – выбора у меня нет.

Я менял время поездок, менял вагоны, цеплял накладную бороду и тёмные очки. Безрезультатно: неделя-другая, и Аля

находит меня, в любое время, в любом конце поезда и в любом обличье.

– Я люблю тебя, Стас, – признаётся она. – Очень люблю. Больше жизни, – Аля хрипло смеётся, пятерня в рукавице стискивает мне колено и начинает подъём к паху. – Хочешь меня?

Поезд, наконец, останавливается на «Политехнической», это дарит мне краткую передышку. Из вагона ломятся наружу пассажиры. Стайка новых, не внявших предупреждениям тех, что удрали, оказывается внутри. Двери съезжаются, захлопывают бедняг в ловушку.

– Люди кругом, – стараясь звучать ровно, говорю я. – Неудобно. Давай в другой раз.

Полицию наверняка уже вызвали. Пять минут. Надо протянуть ещё пять минут, и всё. Господи, помоги мне.

– Раньше тебя неудобства не останавливали, – кричит Аля. – Давай, я вся мокрая.

Её слова подтверждает новая волна смрада. Пятерня упирается мне в пах и смещается к лобку.

– Я не в настроении, извини.

Аля хрипло, с подвизгиванием, хихикает.

– Я тебе помогу, милый. Давай, доставай своего птенца. Я сделаю из него ястреба. Потом ты мне полижешь и можешь драть.

Меня корёжит. Она всегда была не сдержана на слова. Банальности и похабень казались ей возбуждающими. Собственно, она и возбуждалась от них.

– Пожалуйста, давай в другой раз, – ёрзаю, тщетно пытаюсь стряхнуть Алину руку.

Она отдёргивает руку сама, подаётся назад. Струйка слюны рождается в углу рта и змеится к подбородку.

– У тебя кто-то есть, Стас? Есть?! Ты трахаешь новую сучку! – теперь Аля голосит, истерически и истошно. – Я знаю, что трахаешь, гад. Законной стервы тебе не хватает, завёл новую лярву, мразь. Ублюдочная сволочь, козёл, подонок, пидор!

– Успокойся, пожалуйста. Никого у меня нет.

– Врёшь, гадина! Врё-ё-ё-ё-ёшь!

Поезд подкатывает к «Площади мужества». Скорее же, молю я неведомо кого. Ради бога, скорее!

Двери, наконец, открываются и выпускают полицейский наряд. Два сержанта, кривясь от отвращения, подхватывают Алю под руки, рывком вздёргивают и волокут на выход.

– Опять эта ведьма, – ворчит один из полицейских. – Карга старая, как её там...

– Парамонова, – подсказывает напарник. – Фу, вонючка.

«Какая к чертям Парамонова, – едва удерживаюсь от крика я. – Это не Парамонова, идиоты, это Аля! У неё другая, другая фамилия!»

– Долдоны, – кричит, вырываясь, Аля. – Сволочи! Отпустите меня, уроды! Стас, помоги, Ста-а-а-ас! Они хотят меня изнасиловать. Засношать меня, затрахать до смерти. Стас, твою женщину будут драть эти гады! Что сидишь, сука, мразь, Ста-а-а-ас?! Ты...

Она смолкает на полуслове. Надсадно хрипит, кашляет. Полицейские выволакивают Алю из вагона. Нет, уже не Алю, уже Парамонову. Меня колотит, трясёт. Господи, за что мне всё это...

* * *

Голова раскалывается. «Через не могу» отбарабаниваю четыре лекции. Я рассказываю о печати трагизма в творчестве Лескова и Бунина. Говорю о психологических глубинах в ранних повестях Аксакова. На память цитирую Мариенгофа и Гиппиус. Третий курс. Первый. Выпускной. Я начитываю материал, а размытые лица студентов сливаются в одно – в уродливую, подвязанную дырявым платком сопливую рожу с распухшей, багровой щекой. Потом рожа перекашивается, смазывается и исчезает. На её месте материализуется высоколобое гордое лицо с атласной матовой кожей. Искрящиеся смешинки в уголках карих глаз. Крошечная родинка над верхней губой, словно усевшаяся на арбалетную дугу божья коровка. А ещё точёная, с широкими бёдрами и высокой грудью фигурка. Настежь

распахнутые ножки. Тонкая, стрелкой дорожка на лобке. Едва уловимый апельсиновый аромат от кожи. Такой была Аля тогда. Давно, шесть лет назад. До того, как мы с ней расстались.

К трём пополудни я выжат полностью, до капли. Зав кафедрой недовольно морщится и поджимает губы, демонстрируя, насколько его раздражают мои недомогания.

— Сказать по чести, поднадоела ваша привычка отпрашиваться, — цедит он. — Ладно, идите.

Зав кафедрой терпеть меня не может. Будь его воля, давно бы выпер «по собственному желанию». Воли, однако, у него нет — мой тесть в друзьях с ректором, тот многим ему обязан.

Всё, домой! Скорее домой. Сдобрить коньяком кофе, закутаться в плед и снять с полки томик Соловьёва. Начитаться российской истории так, чтобы величие эпохальных событий поглотило личные неурядицы. Или, может быть, не Соловьёва, а Ключевского. Или Костомарова. Даже Лажечникова.

Вот он, вход в метро. Пересечь Невский, и...

— Станислав Сергеевич!

Я вздрагиваю, оборачиваюсь на ходу, затем останавливаюсь. В двух шагах — бледная анемичная пигалица, тонконогая, курносая, с белобрысой чёлкой и глазами цвета полевой незабудки. Забыл её фамилию — что-то, связанное с огнём. Или с пожаром...

— Вы меня, наверное, не помните? Я Вика Гасилина, с первого курса. Я хотела... Хотела сказать...

Пигалица краснеет и умолкает. Что ж — продолжать и в самом деле ни к чему. Экзамены на носу. Самый простой и надёжный способ их сдать — раз-другой раздвинуть ножки. Предложений слегка переспать я получал немало — и завуалированных, и на прямую. В последние годы я неизменно отказывался. Мне хватило истории с Алей. Хватило с лихвой.

— Не продолжайте, — мягко говорю я. — Догадываюсь, вы хотели сказать, что свободны сегодня вечером. Или там завтра. Но я вечерами занят.

Вика охает и краснеет пуще прежнего.

– Я н-не это, – запинаясь, лепечет она и вдруг всхлипывает. – Совсем н-не это хотела сказать. Извините.

Вика отворачивается и нетвёрдой походкой бредёт прочь, к Казанской площади. Я теряюсь. На любительский театр её поведение не похоже.

– Это вы меня извините, – догоняю я заплаканную пигалицу. – Я не собирался вас обидеть. Знаете, студентки чаще всего предлагают... Ну, вы наверняка догадываетесь.

Вика останавливается. Вскидывает на меня взгляд. Пытается улыбнуться сквозь слёзы. Улыбка выходит жалкой.

– Догадываюсь, – подтверждает она. – Но я совсем не поэтому. Знаете, я несколько месяцев храбрилась. Целую речь заготовила, репетировала перед зеркалом. И вот... наговорила. Вы меня приняли за шлюху, да?

– Ну что вы, – пытаюсь оправдаться я. – Отчего же сразу за шлюху. Девушки нынче э-э... несколько эмансипированы. Свободные отношения, так это, кажется, называется? В общем, у меня сегодня не лучший день, поверьте. Ещё раз прошу простить.

– Я знаю, что не лучший, – Вика утирает, наконец, слёзы носовым платком. – Видела вас сегодня в метро. И эту страшную бомжиху, которая снова к вам приставала. Я часто езжу с вами в одном вагоне, нам по пути. Сотню раз пыталась заставить себя подойти, но так и не решилась. Станислав Сергеевич, я хотела сказать, что мне очень нравится ваш предмет. И ваши лекции. И вы сами. Вы прекрасный, замечательный человек, – Вика с облегчением выдыхает. – Фуф, справилась. Словно поклажу с плеч сбросила.

– С чего вы взяли, что я прекрасный и замечательный? – недовольно бурчу я.

Вика отводит взгляд.

– Я знаю про вас, – едва слышно шепчет она. – Про ваши обстоятельства. Мне сказали. Общие знакомые, по секрету.

Меня продирает дрожью.

– Про какие именно обстоятельства?

– Про аварию. И про вашу жену.